

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.8>

Ананьина Татьяна Сергеевна

ПРИМЕРЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ВЫЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫХ КОМПОНЕНТОВ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВОСХОДЯЩИХ К ПРИМЕТАМ И ПОВЕРЬЯМ

Статья посвящена сопоставительному исследованию лингвистического и культурологического значения некоторых русских и французских фразеологических единиц, чья семантическая структура содержит такие культурные маркеры, как приметы и поверья. Исходя из двойственной - языковой и культурологической - природы фразеологического знака, автор обращает особое внимание на необходимость анализа внутренней формы фразеологических единиц различных языков при их сопоставлении с целью установления межъязыкового фразеологического эквивалента.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(88). Ч. 1. С. 37-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-115

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.8>

Дата поступления рукописи: 08.07.2018

Статья посвящена сопоставительному исследованию лингвистического и культурологического значения некоторых русских и французских фразеологических единиц, чья семантическая структура содержит такие культурные маркеры, как приметы и поверья. Исходя из двойственной – языковой и культурологической – природы фразеологического знака, автор обращает особое внимание на необходимость анализа внутренней формы фразеологических единиц различных языков при их сопоставлении с целью установления межъязыкового фразеологического эквивалента.

Ключевые слова и фразы: фразеологическая единица; лингвистическое и культурологическое значение фразеологизма; сопоставление; русский язык; французский язык; примета; поверье.

Ананьина Татьяна Сергеевна

Московский педагогический государственный университет

tutmos008@mail.ru

ПРИМЕРЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ВЫЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫХ КОМПОНЕНТОВ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВОСХОДЯЩИХ К ПРИМЕТАМ И ПОВЕРЬЯМ

Актуальность статьи обусловлена тем, что она написана в русле современной сопоставительной фразеологии [1; 8; 12] и обращает внимание на лингвистическое и культурологическое содержание семантики сопоставляемых фразеологизмов [1; 3-5; 9]. Новизна работы заключается в том, что в ней анализируются культурно-языковые особенности русских и французских фразеологизмов, восходящих к приметам и поверьям, путем сопоставления их внутренних форм. Целью исследования является выявление культурно-маркированных компонентов в семантической структуре выбранных единиц.

Общеизвестно, что фразеологическая единица как особый ономазиологический знак, который номинирует и воспроизводит в сознании целую языковую ситуацию, заключает в себе собственно языковое и культурное значение. В лексическом составе фразеологизмов различных языков нередко встречаются компоненты, отражающие лингвокультурологические реалии, явно связанные с историко-эмпирическим опытом культурно-языкового социума [2, с. 355], например: *Каков Покров – такова и зима; Баба-Яга, – костяная нога; Etoiles plus brillantes que de coutume – pluie probable – Звезды более блестящие, чем обычно, – дождь вероятен* – в сравнении, например, с русской погодной приметой *Звезды ярко блещут – к погоде, тускло – к ненастью* (французская примета содержит обратный образ, что свидетельствует о климатических различиях); *décoiffer Sainte-Catherine – снять головной убор со святой Екатерины* – в значении «выйти наконец замуж» и др.

Но далеко не всегда фразеологические единицы содержат легко распознаваемые культурные маркеры, какими могут выступать в их составе имена собственные, фольклорные номинации, имена святых, указания на геоклиматические особенности местности или иные безэквивалентные лексические единицы [6], как в приведенных выше примерах. Зачастую культурно-маркированные элементы не сразу распознаваемы, особенно представителями иных лингвокультур, они как бы «сокрыты» внутри семантической структуры фразеологизмов и могут быть обнаружены лишь путем дополнительного анализа их образной основы, т.е. их внутренней формы.

Самобытное этнокультурное и / или национально-культурное значение фразеологических единиц может быть определено на основании рефлексивного соотнесения их внутренней формы с заложенными внутри нее «кодами» культуры или культурными маркерами. Таковыми могут являться, в частности, культурно-языковые смыслы отображенных в семантике фразеологических единиц архетипов, мифов, легенд, обрядов, ритуалов, обычаев, примет, поверий, символов, эталонов и т.п. [5, с. 54-55], свойственных конкретно исследуемому культурно-языковому социуму.

Фразеологические единицы, отображающие в своей семантической структуре приметы и поверья, занимают значительное место во фразеологическом фонде русского и французского языков. Статья опирается на следующее толкование примет и поверий. Примета – явление, случай, которые, по народным поверьям, считаются предвестием чего-либо. Поверье – живущее в народе и передающееся из поколения в поколение предание, вера в различные наблюдения – приметы – и выводы из них, идущие из глубины веков [11]. Добавим, что приметы часто основаны на реальных наблюдениях человеческого сообщества, проживающего в течение длительного периода времени в конкретных геоклиматических условиях, и нередко содержат прогнозы погоды. Приметы и поверья имеют много общего между собой как в плане содержания, так и в плане выражения.

Уникальность семантики фразеологизмов, восходящих к приметам и поверьям, заключается в том, что они «означивают» то, что существует не в мире предметной действительности, а в сознании людей. Из этого следует,

что значение подобных фразеологизмов зависит от интерпретации их внутренней формы в знаковом, в данном случае русском и французском, культурно-языковом пространстве [3].

Можно утверждать, что современная полилингвистическая действительность в эпоху взаимной интеграции лингвокультур подсказывает императив осознания лингвокультурологического значения фразеологической единицы при поиске ее межязыкового фразеологического эквивалента с целью наилучшего овладения этой единицей в языковом пространстве иного культурно-языкового социума.

В этом смысле с целью определения оптимального межязыкового фразеологического эквивалента многими исследователями, развивающими сопоставительный, этимологический, функционально-коммуникативный и лингвокультурологический аспекты фразеологии, подчеркивается необходимость выделения параметров фразеологического значения, по которым можно проводить семантико-сопоставительный анализ, в том числе межязыковой [8; 9; 12].

Приведем пример очевидно понятного в русской лингвокультуре эталонного сравнения: (*грустный*) как на поминках. Выражение восходит к древнему обряду поминовения усопших, рассматриваемому в концептосфере церемониального комплекса культа предков: в древности верили, что громким плачем (специально приглашали «профессиональных» плакальщиц) можно вымолить для умершего более легкой участи на том свете; слезами и грустью старались выразить почтение и «задобрить» самого покойного, который переходил в обитель прародителей, по поверьям, влиявших на земные судьбы своих потомков [10, с. 19-20].

В самом деле, такое образное сравнение может, как оказалось, уже не восприниматься представителями иных, например, некоторых современных европейских, лингвокультур, в частности – французской (*из неформального опроса носителей языка*), где зачастую на поминках принято веселиться, а не грустить в память об умершем – обычай поминовения, воспринятый из древней кельтской традиции, направленный на то, чтобы отпугнуть смерть; может также восприниматься как некий суеверный «механизм» отрицания смерти, попрания ее всеобщим весельем и радостью, воспринятый из средневековой Европы периода массовых эпидемий чумы [13, р. 14].

Возможным французским эквивалентом русского фразеологизма может выступать сравнение *triste comme un hibou – грустный, как сова*. Интересно, что в средневековой Европе, во многом воспринявшей греко-римскую культурно-языковую традицию, сова считалась дурным предзнаменованием разного рода несчастий, например, считалось, что если *Сова летает вокруг дома – это к смерти* [7, с. 23].

Следовательно, можно полагать, что, с учетом описанного контекста, оба эквивалента содержат культурно-маркированные компоненты: русский – как на поминках – и французский – *comme un hibou – как сова*, – культурная коннотация которых становится самобытной именно в приведенных фразеологических единицах, описывающих состояние *грусти* или *грустного вида*. Очевидно, что подобные фразеологизмы самобытны и отражают культурно-языковые особенности русской и французской лингвокультуры.

Функционально-параметрический анализ изучает и расценивает фразеологическую единицу как сложную семантическую структуру, содержащую денотативный, грамматический, оценочный, эмотивный, функционально-стилистический, мотивационный макрокомпоненты значения [6]. Согласно такому подходу, мотивационный макрокомпонент семантики фразеологизма заключает в себе информацию о его внутренней форме, то есть образе, лежащем в основе организации его культурно-языкового значения [5]. Иными словами, мотивационный макрокомпонент можно понимать как некий «центр» или «перекресток» языкового и культурного значения, который влияет на весь комплекс остальных макрокомпонентов в их взаимосвязи, предопределяя тем самым содержание и форму фразеологической единицы, а также ее возможные варианты и тем самым возможный вектор ее развития в языке и актуализации в культурно-языковом пространстве.

Ведь относительно, например, вышеприведенных фразеологических эквивалентов: (*грустный*) как на поминках / *triste comme un hibou – грустный, как сова*, – можно утверждать, что и в русском, и во французском языках с весьма малой долей вероятности можно встретить, например, антонимичные образные сравнения радости с соответствующими компонентами – «веселый, как на поминках» или «радостный, как сова» (*из неформального опроса носителей языка*). В то же время в русском языке путем метонимического переноса значения возможен вариант данного фразеологизма (*грустный*) как на похоронах, который уже легко воспринимается носителями современной французской лингвокультуры (*из неформального опроса носителей языка*).

Данный конкретный пример наглядно свидетельствует о том, что изучение внутренней формы фразеологической единицы может облегчить распознавание культурно-маркированных компонентов в ее семантической структуре, а также облегчить и обусловить ее восприятие в целом в ситуациях полилингвизма (чаще билингвизма), например, при сопоставительных исследованиях, при переводе или обучении иностранному языку.

Здесь видится уместным обратиться к одной из ранее опубликованных статей и привести пример, где анализ мотивационного макрокомпонента семантической структуры фразеологической единицы французского языка дает возможность найти наиболее удачный, на взгляд автора, и подходящий по контексту ее русский эквивалент, с учетом заданных условий необходимости перевода стихотворного рифмованного произведения [1, с. 101-102]:

*La tzigane savait d'avance
Nos deux vies barrées par les nuits
Nous lui dîmes adieu et puis
De ce puits sortit l'espérance
L'amour lourd comme un ours privé
Dansa debout quand nous voulûmes
Et l'oiseau bleu perdit ses plumes
Et les mendiants leur ave [Apollinaire G., La Tzigane].*

Буквальный перевод мог бы быть представлен следующим образом:

*Цыганка знала заранее
Наши обе жизни, презражденные ночами,
Мы ей сказали: «Процвай», и затем
Из этого колодца вышла надежда,
Любовь тяжелая, как медведь ручной,
Танцевала на задних лапах, когда мы хотели,
И птица синяя теряла перья,
И попрошайки их молитвы (Деве Марии).*

Согласно предпринятому с целью наилучшего перевода функционально-параметрическому анализу французской идиомы *oiseau bleu* (т.) – *птица синяя / голубая*, ее денотативный макрокомпонент можно обозначить как «предмет, человека с исключительными, идеальными свойствами, то, что редко встречается, найти это можно лишь благодаря счастливой случайности; недостижимый идеал» [Там же, с. 101]. Значение денотата данной фразеологической единицы обусловлено смысловой нагрузкой ее культурно-маркированного мотивационного макрокомпонента: ей «присвоена мотивированность компонентом с символьным значением. В европейских культурах, в частности во французском языке, существует поверье, что синяя птица приносит удачу. Образ синей птицы появился в пьесе М. Метерлинка, позднее в детской сказке, автором которой является Жоржет Леблан, гражданская жена М. Метерлинка. Синяя птица – это символ счастья, мечты, удачи» [Там же, с. 102].

В вышеуказанной статье, посвященной пошаговому функционально-параметрическому исследованию французских фразеологических единиц с целью их оптимального перевода на русский язык, как такового сопоставительного анализа французских и русских межъязыковых эквивалентов не проводилось.

Поэтому, относительно темы данной статьи, следует отметить, что в русском языке существует калька с французской идиомы *l'oiseau bleu* – *птица синяя / голубая* – *синяя птица*, где все же произведен выбор колоронима – *синий* (а не *голубой*), т.к. французский колороним объединяет значения двух русских смысловых единиц «синий» и «голубой». И если внутренняя форма французского оригинала восходит к древнему поверью, распространенному в европейских лингвокультурах, о том, что *синяя птица приносит удачу*, то в русской лингвокультуре такого поверья не встречается, поэтому французскую фразеологическую единицу можно считать культурно-самобытной. Также во внутренней форме французского оригинального фразеологизма проявляются некоторые специфические культурные нюансы его языкового значения: одна из исторических коннотаций колоронима *bleu* – *синий, голубой* – волшебство, невероятность происходящего, неправдоподобность, наивность сказки (иные коннотации: меланхолия, грусть, хандра; нежность, преданность, чувство вечной любви) [14, р. 88]. Можно полагать, что такое значение компонента-характеристики цвета акцентирует денотативное значение всей идиомы «кто-л. / что-л. с исключительными свойствами, то, что редко встречается; недостижимый идеал». Таким образом, данную французскую фразеологическую единицу можно расценивать как культурно-маркированную.

Однако в русском языке калька с французской идиомы – *синяя птица* – часто заменяется производной культурно-самобытной русской фразеологической единицей – *птица счастья* (реже *птица удачи*). Макрокомпоненты семантических структур этих двух русских фразеологических единиц совпадают с макрокомпонентами французского оригинала. Но компонент-характеристика *счастья* проявляет русскую культурно-языковую специфику (ср.: *искать счастья, попытать счастья* и др.) [4] и может быть определен как культурно-маркированный. А следовательно, русскую идиому *птица счастья* можно считать не фразеологическим вариантом, но самостоятельной синонимичной единицей, которая при сопоставлении будет являться уже частичным эквивалентом французской оригинальной идиомы *l'oiseau bleu* – *птица синяя / голубая*.

Посредством выбора эквивалента может быть осуществлен следующий перевод вышеприведенного стихотворения Г. Аполлинера [1, с. 101]:

*Цыганка знала наперед
Две жизни, что связала ночь.
Ее забыв, мы поспешили прочь.
Надежда родилась во тьме! И вот,
Любовь на задних лапах, как медведь ручной,
Плясала медленно по нашему велению,
Летели перья птицы счастья голубой,
И нищих не звучали песнопенья
(перевод автора статьи. – Т. А.).*

В заключение добавим, что культурно-маркированные компоненты, свидетельствующие об этно-культурной и / или национально-культурной специфике фразеологических единиц, могут быть выявлены, в частности, путем раскрытия и сопоставления мотивационных макрокомпонентов их семантики при их интерпретации в аспекте лингвокультуры посредством анализа их образно-метафорических внутренних форм, обычно специфичных в разных языках, а также при сопоставительном и интроспективном подходах, принимаемых в качестве рабочих методов. А также то, что русские и французские фразеологические единицы, восходящие к приметам и поверьям, составляют значительное фразеосемантическое поле в обоих языках и могут плодотворно служить изучению сопоставительной фразеологии и лингвокультурологии на базе фразеологии.

Список источников

1. **Ананьина Т. С.** Пример применения функционально-параметрического анализа к французским фразеологизмам с основным компонентом – характеристикой цвета “bleu” // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2016. № 1. С. 99-107.
2. **Ананьина Т. С.** Сопоставительный анализ французской и русской фразеологии, основанной на легендах, повериях и суевериях // Преподаватель XXI век. 2009. № 3. Ч. 2. С. 355-363.
3. **Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Основы фразеологии. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Флинта, 2014. 312 с.
4. **Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.** Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. 926 с.
5. **Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий** / отв. ред. д. филол. н. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006. 784 с.
6. **Зимин В. И.** Семантика фразеологизмов в функционально-параметрическом отображении. Методическая разработка к спецкурсу. Ярославль: Ремдер, 2004. 48 с.
7. **Каланча К. Д.** Язык суеверий и предрассудков: история взглядов. М., 1988. 46 с.
8. **Калинина А. В.** Внутренняя форма идиом русского и французского языков. Опыт сопоставительного анализа. М.: Инфомедиа Паблишерз, 2007. 159 с.
9. **Ковшова М. Л.** Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: Либроком, 2012. 456 с.
10. **Пропп В. Я.** Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования: собрание трудов. М.: Лабиринт, 2000. 192 с.
11. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1987. Т. 3. 752 с.
12. **Современная фразеология: тенденции и инновации:** коллективная монография / отв. ред. А. П. Василенко. М. – СПб. – Брянск: Новый проект, 2016. 200 с.
13. **Courtois M.** Les mots de la mort. P.: Ed. Belin, 1991. 412 p.
14. **Mollard-Desfour A.** Le dictionnaire des mots et expressions de couleur *Le Bleu*. P.: CNRS EDITIONS, 1998. 257 p.

**EXAMPLES OF COMPARATIVE REVELATION OF CULTURALLY MARKED COMPONENTS
IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE RUSSIAN AND FRENCH PHRASEOLOGICAL
UNITS ASCENDING TO SUPERSTITIOUS AND POPULAR BELIEFS**

Anan'ina Tat'yana Sergeevna
Moscow State University of Education
tutmos008@mail.ru

The article is devoted to the comparative study of the linguistic and culturological meaning of some Russian and French phraseological units, whose semantic structure contains such cultural markers as superstitious and popular beliefs. Proceeding from the dual – linguistic and culturological – nature of the phraseological sign, the author draws special attention to the need to analyze the internal form of phraseological units of different languages when comparing them with the purpose of ascertaining an interlingual phraseological equivalent.

Key words and phrases: phraseological unit; linguistic and culturological meaning of phraseological unit; comparison; Russian language; French language; superstitious belief; popular belief.

УДК 8; 81-2

Дата поступления рукописи: 12.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.9>

В данной работе анализируются разные модели контекстуального использования фразеологических и паремнологических единиц (ФиПЕ) с компонентом-орнитонимом. Особое внимание уделяется изучению роли вышеупомянутых компонентов в воспроизводимости и устойчивости данных языковых единиц. С помощью системы “Google Ngram Viewer” и ее возможностей была предпринята попытка выявления вариантов контекстуальных моделей анализируемых ФиПЕ. Были также рассмотрены возможности исследования данных языковых единиц, которыми располагает система “Google Ngram Viewer”.

Ключевые слова и фразы: воспроизводимость; устойчивость; орнитоним; структурная модель; Google Ngram Viewer; контекстуальное использование.

Аюпова Роза Алляметдиновна, д. филол. н., профессор
Сахибуллина Кадрия Азатовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
rozaayupova@gmail.com; kadria85@yahoo.com

**МЕТОДЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ИЗУЧЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С КОМПОНЕНТОМ-ОРНИТОНИМОМ)**

Устойчивость и воспроизводимость – две основные характеристики фразеологических единиц (ФЕ), которые очень тесно связаны друг с другом и являются взаимозависимыми, что было четко выражено А. В. Куниным